

Д.З. Фельдман

D.Z. Feldman

**К БИОГРАФИИ ЕВРЕЙСКОГО ДЕПУТАТА
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГЛАВНОЙ КВАРТИРЕ
ЗУНДЕЛЯ ЗОННЕНБЕРГА**

**TO THE BIOGRAPHY OF THE JEWISH DEPUTY
AT THE IMPERIAL MAIN APARTMENT
ZUNDEL ZONNENBERG**

Статья, основанная на опубликованных и архивных источниках, посвящена деятельности еврейского депутата при Императорской Главной квартире в 1812–1814 гг., гродненского купца Зунделя Зонненберга, который был поставщиком русской армии и выполнял различные поручения военного командования Российской империи. Также уделяется внимание его дальнейшей судьбе после окончания Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.

The article, based on published and archival sources, is devoted to the activity of Jewish deputy at the Imperial Main Apartment in 1812–1814, Grodno merchant Zundel Zonnenberg, who was the supplier of the Russian army and carried out various assignments for the military command of the Russian Empire. Attention is also paid to its further fate after the end of the Patriotic War of 1812 and the Foreign campaigns of the Russian army of 1813–1814.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг., император Александр I, еврейские депутаты, кагалы, военное снабжение.

Keywords: Patriotic War of 1812, Foreign campaigns of the Russian army of 1813–1814, emperor Alexander I, Jewish deputies, kagals, military supply.

В истории российского еврейства первой половины XIX в., в частности истории еврейского представительства при верховной власти Российской империи, второй основной фигурой, наряду с несвижским купцом Лейзером Боруховичем Диллоном¹, является гродненский купец Зундель Моисеевич Зонненберг.

Как известно, во время Отечественной войны 1812 года евреи в массе своей проявили лояльность по отношению к российским властям и оказывали посильную помощь военному командованию, что подтверждается высказываниями современников и документальными материалами. При этом деятельность еврейского населения оккупированных земель по оказанию помощи русской армии, скорее всего, координировали находившиеся в 1812–1814 гг. при Императорской Главной квартире два видных еврейских купца — гродненский Зундель Зонненберг и несвижский Лейзер Диллон, носившие официальный титул «депутатов от еврейского народа, еврейских обществ или еврейских кагалов»². С началом войны они исполняли через своих агентов на местах различные поручения императора Александра I, касающиеся обеспечения войск: получали заказы военного интендантства и распределяли их между поставщиками-евреями, а также выполняли секретные поручения высшего командования, в частности по формированию тайной еврейской агентуры, базирующейся на кагалах. Также они являлись посредниками между верховной властью и еврейскими общинами, которым передавали необходимые инструкции и указания, информировали о намерениях правительства, организовывали сбор пожертвований от евреев и т. д. Кстати, сохранились два интересных документа, связанные с этими незаурядными личностями — письма кагалов депутатам 1813 г. Одно начинается так: «Здравия желаем любезным нашим друзьям Лейзеру Несвижскому и Зунделю Гродненскому», в другом письме так же: «Любезные друзья, деятельнейше старайтесь для пользы Отечества и нашего народа».

В период с 1812 по 1820 г. Зундель Зонненберг занимал пост еврейского депутата при центральной власти и, таким образом, являлся одним из наиболее влиятельных еврейских лидеров Российской империи. Как сообщал в своей записке министру духовных дел и народного просвещения князю А.Н. Голицыну в 1820 г. «просвещенный» еврей Гиллель Маркевич, до своего возвышения Зонненберг был «при Гродненском кагале штадлером или зачинщиком»³, т. е. выступал как представитель местного еврейства при гражданском губернаторе. В период боевых действий против французов военные подрядчики Зонненберг и Диллон получили от начальника Главного штаба Е.И.В. князя П.М. Волконского, расположенного к евреям, похвальные листы, что свидетельствовало о справедливой оценке командованием их услуг. Кстати, по информации князя Н.Н. Голицына, автора весьма объемного труда по истории российского

законодательства о евреях, некоторые из них «удостоились нескольких похвальных грамот после окончания войны»⁴ — речь здесь, несомненно, шла об этих двух лицах. За заслуги во время Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. «депутат еврейских кагалов, гродненский обыватель» Зонненберг неоднократно награждался: в 1814 и 1819 гг. ему были вручены две золотые медали «За усердие» на Аннинской и Александровской лентах, соответственно, в Петерсвальде и Брухзале. Сведения о последнем награждении имеются в «Высочайше утвержденном 13 января 1819 г. списке гражданам, рекомендованным от начальников губерний и представленным управляющим Министерством полиции к медалям».

Активная деятельность еврейских депутатов Зунделя Зонненберга и Лейзера Диллона помогла им приблизиться к императору и его окружению, на рассмотрение которых они могли выносить многочисленные нерешенные проблемы еврейской жизни. Надо полагать, что и правительству в это неспокойное время было выгодно держать при себе представителей еврейского народа, которые могли влиять на своих соплеменников в соответствии с данными им политическими инструкциями. Об активной жизненной позиции Зонненберга в качестве депутата может свидетельствовать его «всепокорнейшее» прошение министру полиции генерал-лейтенанту А.Д. Балашову от 30 июня 1813 г., написанное во время Заграничного похода российской армии в местечке Рейхенбах⁵. В конце июля – августе 1812 г. по распоряжению главнокомандующего русскими войсками князя М.И. Кутузова из Московской губернии в Нижний Новгород для содержания там под стражей были высланы 540 бродяг и подозрительных лиц. В числе последних было и несколько евреев из Витебска, Шклова и Мстиславля, содержавших питейные заведения в Можайском и Волоколамском уездах, что само по себе, при наличии черты оседлости и запрете на производство и продажу евреями водки, было противозаконно. Тем не менее жесткие меры по отношению к евреям — содержателям кабаков под Москвой были применены только в связи с начавшейся войной, в обстановке всеобщей подозрительности и шпиономании, охватившей российскую администрацию. Антиеврейские настроения в обществе, обострившиеся в связи с военной угрозой⁶, во многом обусловили применение к евреям жестких мер и суровое обращение с еврейскими арестантами.

Статус евреев, оказавшихся в нижегородской тюрьме, оставался неясным для местного начальства. Как позже писал губернатор в отношении министру полиции, «не только род их преступлений,

но даже и списка именам их не было»⁷. Обращения к московским властям за разъяснениями не дали никакого результата. Тем временем поступило распоряжение Комитета министров, согласно которому высланных евреев следовало судить на местах⁸. При этом еврейские арестанты не были склонны мириться с ролью пассивных жертв административного произвола. Они активно боролись за улучшение своей участи: подавали прошения губернатору об увеличении отпускавшейся на их содержание казенной суммы и изменении условий заключения⁹. Они сумели даже передать письмо Витебскому кагалу, который, в свою очередь обратился к еврейскому депутату Зонненбергу с просьбой о ходатайстве. 30 июня 1813 г. депутат, находившийся в тот момент в Саксонии, отправил петицию министру полиции А.Д. Балашову, хотя фактически Министерством полиции еще с 1812 г. управлял генерал от инфантерии С.К. Вязмитинов. Ярко описывая страдания еврейских арестантов в московском остроге и по пути в Нижний Новгород, Зонненберг не упоминал о нарушенных евреями формальных ограничительных нормах, утверждая, что арестанты — «люди невинные», пострадавшие «только за то, что они находились в России». Заслуживает внимания решительный и даже дерзкий тон прошения: депутат добивался освобождения не только нижегородских арестантов, но и всех «им подобных евреев, если находятся в таковом же заключении» и «снабжения их подводами и продовольствием... пока не доедут до своих кагалов»¹⁰.

Реакция А.Д. Балашова свидетельствует о достигнутой депутатами высокой степени влияния на власть. Министр полиции уже через неделю потребовал объяснений от нижегородского губернатора, заявившего, что упомянутые евреи давно освобождены из-под стражи, однако им запрещено покидать город¹¹. Известно также, что еще осенью 1812 г. началось постепенное возвращение ссыльных евреев к местам их жительства¹². Обращение члена еврейской депутации возымело действие: большая часть сосланных в Нижний Новгород, а также в Саратов, евреев получила свободу только «вследствие предписания господина главнокомандующего в С[анкт]-Петербурге от 30 июня 1813 г.», последовавшего в ответ на прошение Зонненберга министру Балашову¹³. В самом факте его выступления в защиту высланных формально законным образом евреев проявилась такая особенность российской политической культуры того периода, как пренебрежение к писанным нормам. То, что на уровне власти негласно подразумевалось, проявляется более явным образом в выступлениях

еврейских представителей, еще не имевших достаточных навыков продвижения своих интересов в рамках российских бюрократических практик.

Следует заметить, что в том же году Зундель Зонненберг лично представил Александру I записку, в которой содержался целый пакет предложений о расширении прав российских евреев: о разрешении торговли, откупа и винокурения по всей России; об ограничении помещичьих сборов с евреев на установленном ранее уровне; о предоставлении евреям права заседать в магистратах и других органах местного самоуправления в равном числе с христианами; о прощении недоимок и податных льгот; о приостановке уплаты процентов по давним долгам кагалов; о государственной защите прав евреев, проживающих в частных владениях; об амнистии евреев, находящихся под уголовным судом¹⁴. По словам другого депутата Лейзера Диллона, царь обещал рассмотреть эти просьбы, но записка не получила ход, пролежав в императорском кабинете до его смерти, а при Николае I, учитывая его предвзятое отношение к евреям, этот проект тем более не мог быть осуществлен.

Из кратких и отрывочных упоминаний в делопроизводственных документах известно, что с возвращением Александра I в Санкт-Петербург деятельность еврейских депутатов при императоре продолжалась: в мае и июне 1814 г., находясь в Париже и Берлине, депутаты подавали императору проекты об улучшении жизни польских евреев, а в сентябре того же года они оказались в составе императорской свиты во время поездки монарха на Венский конгресс — согласно собранным австрийской полицией сведениям, в Вене ходили разнообразные слухи «о двух придворных евреях императора Александра». Возможно, они могли действовать в качестве тайных агентов российской власти, однако главной их функцией оставалась представительская. В декабре 1817 — июле 1818 г. путем выборов прошла реорганизация еврейского представительства в столице, и в состав расширенной депутации из пяти человек, помимо новых активистов, были избраны прежние депутаты Зундель Зонненберг и Лейзер Диллон, который состоял в ней, правда, уже в качестве «кандидата» (заместителя депутата Михеля Айзенштадта)¹⁵.

Во время Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., при сопровождении Главной квартиры за пределами России, оба еврейских депутата имели 29 июня 1814 г. в замке Брухзаль (Баденское герцогство) аудиенцию у Александра I, стремившегося урегулировать

вать после Отечественной войны отношения со своими подданными-евреями. После их представления на встрече император через генерал-адъютанта князя П.М. Волконского письменно выразил «высочайшее свое благоволение кагалам за усердную и ревностную службу находившихся при Главной квартире Его Императорского Величества депутатов», распорядившись, «чтобы та же депутация или подобная отправилась в Санкт-Петербург, дабы там, во имя проживающих в империи евреев, выждать и получить выражение высочайшей воли и определение относительно их всеподданнейших желаний и просьб касательно своевременного улучшения их положения»¹⁶. Видимо, российский монарх, находясь под впечатлением вестей о патриотизме еврейского населения, имел тогда серьезные намерения облегчить его участь. Поскольку в этом императорском указе не были обозначены ни количество депутатов и способ их избрания, ни какие-либо функции и полномочия будущей депутации, данное постановление носило, таким образом, скорее демонстративный, нежели практический характер.

Благодаря стараниям коллеги Зонненберга, Лейзера Диллона, и протекции князя П.М. Волконского, в январе 1817 г. оба еврейских депутата вновь встречались с императором, на этот раз в Зимнем дворце, после чего тот дал обещание послать чиновника расследовать обвинения в ритуальных преступлениях, неправомерно возведенных на некоторые еврейские общины Царства Польского местными властями, и приостановить действие подготовленных в Сенате новых ограничительных законодательных актов о евреях. Тогда же Александр I объявил депутатам о своем решении передать все еврейские дела в империи в ведение одного сановника и о создании в столице постоянного еврейского представительного органа. Довольно оперативно данное решение было оформлено законодательно, и 18 января 1817 г. тайный советник князь А.Н. Голицын, возглавлявший Главное управление духовных дел иностранных исповеданий и Министерство народного просвещения (с 24 октября того же года — объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения), по именному указу получил распоряжение взять на себя управление всеми делами евреев, кроме уголовных преступлений и тяжб по вопросам частной собственности¹⁷. Именно при этом министерстве официально и функционировала еврейская депутация как постоянно действующая совещательная коллегия. Кстати, министр Голицын вполне справедливо рассматривал евреев как одну из сил, способствовавших победе русского

оружия в освободительной борьбе с наполеоновским нашествием, когда в 1816 г. в своей переписке с сенатором Н.Н. Новосильцевым по поводу либерального проекта последнего по еврейскому вопросу заметил: «Приверженность сего народа к российскому престолу и усердие его к пользам правительства в продолжение прошедшей войны, неоднократно доказанные и как гражданским, так и военным начальством засвидетельствованные, приобрели евреям благоволение государя императора и, конечно, дают им полное право, наравне с прочими подданными Его Величества, на покровительственные законы»¹⁸.

В том же году депутаты Зундель Зонненберг и Лейзер Диллон успешно выступили против проекта привлечения российских евреев к военной службе, утверждая, что в армии евреи будут подвергаться постоянным унижениям и издевательствам со стороны русского командования и солдат, что семьи рекрутов останутся без средств к существованию и что евреи не смогут торговать в кредит, поскольку никто не станет ссужать деньгами людей, которые в любой момент могут быть сданы в солдаты. Таким образом, их аргументация сводилась к тяжелым последствиям, которые введение рекрутчины имело бы для еврейского населения. В своей записке властям еврейские депутаты, видимо, апеллировали не к государственным интересам, а к «человеколюбию» и «милосердию» императора. В результате их выступление было использовано правительством в качестве повода к отсрочке рассмотрения сложного вопроса о военной службе евреев на неопределенный срок.

Таким образом, за те несколько лет, которые кагалные избранники провели в Санкт-Петербурге, и после реорганизации депутатии в 1818 г., они сумели — не без помощи князя А.Н. Голицына — существенно смягчить наметившееся ужесточение законодательной базы по еврейскому вопросу и несколько облегчить положение народа: например, были прекращены сфабрикованные судебные дела по обвинению евреев в употреблении христианской крови для религиозных целей («кровавый навет»); кагалы были освобождены от штрафов и пени за утайку душ по прежним ревизиям, а также от уплаты податных недоимок за прошлые годы; состоялась отмена уже подготовленного к опубликованию сенатского указа, по которому земли, арендованные евреями у помещиков, должны были быть возвращены их владельцам независимо от того, вернут ли помещики евреям долги по арендам¹⁹. Несомненно, фигуры Зунделя Зонненберга и Лейзера Диллона выделяются в составе «депутатии еврей-

ского народа» как продолжительностью выполнения своих представительских функций, так и личным вкладом в совокупную работу этого депутатского органа, упраздненного в 1825 г.

Семейная жизнь Зунделя Зонненберга была омрачена трагическим случаем, связанным с его единственной дочерью Хайей Эстер²⁰. Как «с крайним соболезованием» признавался позже ее отец, «Хая Эстер, будучи еще 12-ти лет от роду, показала признаки дурного характера, к исправлению чего были приняты все возможные меры, но, не имея успеха, я отдал ее в замужество»²¹. Согласно распространенному еврейскому обычаю, Зонненберг взял зятя на содержание, однако все выгоды, которые молодой человек и его семья могли извлечь из этого союза: богатство и родство с одним из самых влиятельных евреев Российской империи показались свекру Хаи Эстер ничтожными по сравнению с ее «порочной натурой». «Когда отец зятя моего, — продолжал свои жалобы Зонненберг, — пригласил ее с мужем к себе на праздник, то она, находясь у него до четырех месяцев, показала себя совершенно развратною, потому на требование свекра о разводе их я принужден был согласиться»²². В 1820 г., находясь в столице, Зонненберг «получил из дому сведение, что 9 апреля в ночное время Гродненской губернии города Волковыска житель, женатый шляхтич Матвей Болтуч подговорил мою несовершеннолетнюю дочь, которой едва минуло пятнадцать лет, и, укравши большую часть моего имущества, [она] тайным образом уехала в город Слоним в тамошний женский монастырь»²³, как отмечал впоследствии гродненский губернатор, «в намерении, как полагать должно, перемены религии»²⁴. Следствие, проводившееся губернатором летом 1820 г., показало, что из дома депутата похищено было «наличных денег, драгоценных вещей и жемчуга на 300 червонцев»²⁵. Как известно, жемчуг являлся традиционным украшением замужних евреек. Спешно прибывший в Гродно Зонненберг пытался добиться у губернатора «предписания... о возвращении дочери и недостающее имущество с Матвея Болтуча взыскать»²⁶. К сожалению, мы на данный момент не располагаем сведениями о том, чем закончилась эта история. Отметим только нетипичное для еврейской семьи того времени обстоятельство: единственной дочери Зонненберга в 1820 г. «едва минуло пятнадцать лет», а отцу ее в 1818 г. уже было «около шестидесяти».

Судьба еврейского депутата при Императорской Главной квартире Зунделя Моисеевича Зонненберга во многом схожа с судьбой подобных же немногочисленных представителей российского ев-

рейства второй половины XVIII – первой половины XIX в., добившихся благодаря своим заслугам, в том числе в военной области, значительных высот в карьере. Их высокое положение в имперском обществе определялось в значительной мере связями с высшими чиновниками, оказывавшими этим евреям всяческую поддержку и попечение, не исключая и российского монарха. Таким образом, полезная деятельность этого еврейского депутата при верховной власти Российской империи во время военных конфликтов для нас не подлежит сомнению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О Л.Б. Диллоне см.: *Фельдман Д.З.* К биографии еврейского депутата при Императорской главной квартире Лейзера Диллона // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XXVI Международной научной конференции, 5–7 сентября 2022 г. Бородино, 2023. С. 265–278.

² Подробнее об этом см.: *Голицын Н.Н.* История русского законодательства о евреях. 1649–1825. Т. 1. СПб., 1886. С. 590; *Дубнов Ш.* Судьбы евреев в России в эпоху западной «первой эмансипации» (1789–1815) // Евреи в Российской империи XVIII–XIX веков: Сб. трудов еврейских историков. М.; Иерусалим, 1995. С. 309; *он же.* Евреи в России в эпоху европейской реакции (1815–1848) // Там же. С. 332–334; *Гинзбург С.М.* Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб., 1912. С. 85; *Магид Д.Г.* К истории еврейских депутатов в царствование Александра I // Пережитое. СПб., 1913. Т. IV. С. 181–191; *Гессен Ю.И.* «Депутаты еврейского народа» при Александре I: По архивным источникам // Еврейская старина. СПб., 1909. Вып. III. С. 17–29; Вып. IV. С. 196–206; *он же.* Депутаты еврейского народа в России // Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: в 16 т. Т. VII. Стб. 103. СПб., б/г [1908–1913]; *он же.* История еврейского народа в России. Т. 1. Л., 1925. С. 176–182, 209; *Клиер Дж.Д.* Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России. 1772–1825. М.; Иерусалим, 2000. С. 279–281, 283–284, 286–287, 292; *Минкина О.Ю.* Еврейская депутация к российским властям. 1812–1814 гг. // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 151–155; *она же.* «Сыны Рахили»: Еврейские депутаты в Российской империи. 1772–1825. М., 2011. С. 142–161; *Фельдман Д.З.* Российские евреи в эпоху наполеоновских войн. М., 2013. С. 229, 231–232, 236–241, 246–247, 262–264, 293–294; *Фельдман Д.З., Петерс Д.И.* «На пользу Отечества»: О заслугах евреев Российской империи и их награждении. М., 2016. С. 32–35.

³ Гиллель Маркевич и его проект еврейской реформы / публ. О.Ю. Минкиной // Архив еврейской истории. М., 2005. Т. 2. С. 354.

⁴ *Ан-ский С.А.* Страница из истории Отечественной войны // Новая жизнь. СПб., 1912. № 9. Стб. 191–192.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1165. Оп. 1. Д. 10. Л. 7–8 об.

⁶ Так, в апреле 1812 г. в Москве ходили слухи о разоблачении известного еврейского откупщика Абрама Перетца как наполеоновского шпиона, якобы подмешивавшего яд в вино, поставляемое им для армии (ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 101. Л. 1). В августе 1812 г. в Москве были задержаны купцы Лейба Кенигсберг и Мовша Нарвер «с подозрительными бумагами на еврейском языке», оказавшимися затем «счетами и записками по винокуренному заведению и выдаче пашпортов» кагалом (*Гинзбург С.М.* Отечественная война 1812 года и русские евреи. С. 44–45).

⁷ ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 10. Л. 2 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 3, 6.

¹⁰ *Минкина О.Ю.* Еврейская депутация к российским властям // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 152.

¹¹ ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–6.

¹² См.: *Тотфалушин В.П.* «Разбор» иностранцев в 1812 году и Саратовская губерния // 1812 год: война и мир: Материалы Всероссийской научной конференции. Смоленск, 2009. С. 176.

¹³ См.: *Минкина О.Ю.* Еврейская депутация к российским властям // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 152; она же. «Сыны Рахили». С. 148–149.

¹⁴ См.: *Гессен Ю.И.* «Депутаты еврейского народа» при Александре I // Еврейская старина. СПб., 1909. Вып. III. С. 23–24; *Клиер Дж.Д.* Россия собирает своих евреев. С. 279.

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Минкина О.Ю.* «Сыны Рахили». С. 161–175.

¹⁶ *Борецкий-Бергфельд Н.П.* Русские евреи в 1812 году // Новый Восток. СПб., 1912. № 37. Стб. 39; *Гессен Ю.И.* История еврейского народа в России. Т. 1. С. 177; *Дудаков С.Ю.* История одного мифа: Очерки русской литературы XIX–XX вв. М., 1993. С. 42; *Клиер Дж.Д.* Россия собирает своих евреев. С. 272; *Дубнов С.М.* Новейшая история еврейского народа от французской революции до наших дней. Берлин, 1923. Т. 1. С. 295.

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собр. 1. Т. XXXIV. № 26624.

¹⁸ *Дудаков С.Ю.* Война 1812 года и ритуальные процессы в России // Ковчег: альманах еврейской культуры. М.; Иерусалим, 1990. Вып. 1. С. 280; он же. История одного мифа. С. 47.

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Минкина О.Ю.* «Сыны Рахили». С. 175–184.

²⁰ См.: *Фельдман Д.З., Минкина О.Ю.* К вопросу о принятии еврейскими женщинами христианства в России в конце XVIII – начале XIX веков // *Фельдман Д.З., Минкина О.Ю., Кононова А.Ю.* «Прекрасная еврейка»

в России XVII–XIX веков: образы и реальность. Статьи и документы. М., 2007. С. 101–104.

²¹ Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее — НИАБ в Гродно). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2186. Л. 13. См. также: *Сабалеўская В.А.* Спрадвечныя іноземцы: старонкі гісторыі гарадзенскіх яўрэяў. Гародня, 2000. С. 29–30; *Соболевская О.А.* Из истории еврейской женщины на Беларуси XIX в. // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Сб. научных статей. Минск, 2001. Вып. 1. С. 297.

²² НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2186. Л. 13.

²³ Там же. Л. 13 об.

²⁴ Там же. Л. 4.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 11.